

С.Б. Сорочан

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА И “ПРИЗРАКИ САМОУПРАВЛЕНИЯ”

Перефразируя широко известное выражение, можно сказать, что вот уже более полувека по историографии византийского Херсонеса/Херсона бродит призрак – призрак “самоуправляемого города”. Примеры встреч с ним отнюдь не случайны, к тому же зачастую исходят от весьма авторитетных исследователей. Так, М.И. Артамонов указывал на то, что в начале VIII в., в период внутренних неурядиц в Византии, в которых Херсону довелось сыграть решающую роль, этот город, балансируя между Византией и Хазарией, приобрел фактическую независимость и пользовался местным самоуправлением¹. Важное стратегическое значение Херсона как форпоста империи ромеев в Таврике, по мнению некоторых византинистов, вынуждало Византию идти на уступки по отношению к нему – на признании принципа греческой полисной автономии, т.е. самоуправления². “Любопытно, что Херсон сохранил античные институты, словно изменения периода VII–IX вв., приведшие к образованию средневековой империи, не затронули эту оставшуюся в стороне провинцию”, – констатирует Ж.-К. Шене, как бы заранее предваряя этим выводом свое исследование об архонтах Херсона, в которых он, тем не менее, видит представителей центральной власти³. А.И. Айбабин и В. Зайбт пишут о “городском сенате” (sic!) из протевонов во главе с протополитом, который управлял городом вместе с тудуном, присланным хаганом хазар⁴. Жильбер Дагрон, отмечая двойственность восприятия Таврики византийцами и “половинчатость” ее принадлежности Византии, полагает, что в Херсоне начала VIII в. мирно сосуществовали сразу три власти, олицетворявшие самые разные интересы: собственная городская власть в лице протополита и “первенствующих”, имперская власть в лице византийского архонта

¹ Артамонов М.И. История хазар. Л., 1961. С. 302.

² Удальцова З.В. Дипломатия // Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. М., 1989. С. 243.

³ Ср.: Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 310, 314–316.

⁴ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 195–196. По мнению В. Зайбта, к этому “самоуправлению” из протевонов относился и хазарин – тудун (тудун, тондон), которого херсониты якобы “назначили на должность архонта в Херсоне”, в чем он видит ловкий политической ход, неожиданный для Константинополя (Seibt W. Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. u 8. Jh. // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. S. 304). При этом в который раз забывается совершенно недвусмысленное указание Феофана о том, что тудун был не просто архонт (так византийцы называли и иноземных владетелей из числа “варваров”), но находился в Херсоне “от лица хагана” (τὸν ἀρχοντα Χερσῶνος ὡς ἐκ προσώπου τοῦ Χαγάνου) – Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана, “Бревиарий” Никифора. М., 1980. С. 40, 64. Также см.: Яковсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. С. 37–38; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 113.

и хазарская власть, представленная тудуном⁵. Мало того, даже будучи стратигом фемы Херсон, ее глава был “вынужден сосуществовать с сохранившимися прежнюю силу структурами городской власти”, хотя французский византинист признает, что этому нет примера в других фемах. Поэтому, с точки зрения Ж. Дагрона, “стратиг Херсона являлся не полновластным генерал-губернатором византийской провинции фемы, как другие офицеры его ранга, а скорее послом императора в стране-сателлите”⁶. Случай опять-таки беспрецедентный. Даже тогда, когда Н.М. Богданова резонно отмечала, что средневековый Херсон находился под властью ромейских императоров, был включен в административную структуру империи, а в состав его управления входили имперские чиновники, она все же не пожелала отказаться от мысли, что город имел определенные привилегии, среди которых одной из основных являлось сохранение “...отдельных элементов городской автономии и самоуправления, имевших давнюю историческую традицию: наиболее стабильным из этих элементов был непрекращавшийся в X–XII/XIII вв. чекан собственной монеты”⁷. При этом почему-то забывается, что, к примеру, Сицилия – Калаврия, будучи фемой, тоже выпускала деньги на местных оффицинах, но никому не приходит в голову видеть в этом “элемент самоуправления”. Тем не менее и А.И. Романчук разделяет вышеназванные взгляды, категорично заявляя: “Для ранневизантийского периода следует отметить наличие самоуправления в Херсоне (печати архонтов), которое не было полностью уничтожено введением фемы”⁸.

Представления о некоем особенном полисном, автономном “самоуправлении” византийского Херсона, наподобие средневековых “республик” Далмации⁹, в специальной литературе выглядят как расхожий штамп, с некоторых пор не подлежащий обсуждению. Вопрос представляется решенным и закрытым. Даже сомнения, посещающие в последнее время некоторых исследователей, не в силах преодолеть авторитет сложившегося мнения, и поэтому, рассматривая противоречащие ему материалы, специалисты в итоге не отказываются от устоявшихся позиций и пытаются примирить непримиримое. Именно так выглядят появившиеся недавно работы, которые вводят в обращение ценнейший сфрагистический материал, открывающий новые стороны организации админи-

⁵ *Dagron G. Crimée ambiqué (IVe–Xe siècles) // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. P. 291.* При этом даже не ставится вопрос о том, что характер власти протевонов к этому времени мог быть весьма далек от подлинного самоуправления, а тудун, недолго действовавший здесь “от лица” хагана, мог быть не более чем наблюдателем, которого нет оснований считать даже временным правителем города. Скорее всего его присутствие указывает на кондоминатный характер хазаро-византийских отношений в Таврике – подробнее см.: *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 212–225, 232–243.* Эту же мысль недавно высказал, но не развил Ж.-К. Шене (*Шене Ж.К. Поздний архонт... С. 315*). Эта мысль не чужда и В. Зайбту: он пишет о необходимости и полезности для Херсона как “свободного города” (als “freie Stadt”) сохранять хорошие отношения и с Византией, и с хазарами, а может быть, и платить “своего рода дань (Tribut) обоим” (*Seibt W. Probleme... S. 304–305*).

⁶ См.: *Dagron G. Op. cit. P. 291.*

⁷ *Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / МГУ. М., 1987. С. 17–18; ср.: Она же. Херсон в X–XV вв.: Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 91–92.*

⁸ *Романчук А.И. Средневековый Херсон (отражение в источниках основных функций города) // Херсонский сборник. 1996. Вып. 7. С. 138; ср.: Богданова Н.М. К вопросу о городском управлении в Херсоне в начале XIII в. // Социальные группы традиционных обществ Востока. М., 1985. Ч. 1. С. 42–63.*

⁹ Ср.: *Соколова И.В. Монеты и печати... С. 118.*

стративного управления раннесредневекового Херсона. Казалось бы эти источники не оставляют сомнений в имперском облике администрации византийского города, однако делаемые на их основании выводы вплетаются во все тот же знакомый рефрен о якобы традиционном стремлении Херсона к самостоятельности. Более того, заявляется, что “элементы античного самоуправления не исчезают и к периоду расцвета фемного строя, а продолжают существовать на всем протяжении IX и X вв.”¹⁰.

На чем строятся подобные заключения? Почему администрация византийского Херсона видится какой-то особенной, едва ли не уникальной, так и не разорвавшей своей пуповины с античным прошлым полиса, а сам город представляется таким “островом вольнолюбия”?

Это мнение кажется тем более странным, что, согласно римскому праву, все проживающие в “римском ареале”, если они платили налоги государству, были христианами, признавали суверенитет императора, т.е. были его подданными (ὕπληκοι), были обязаны жить в соответствии с нормами римского права и включались в административную структуру империи¹¹. Поэтому городские власти в лице архонтов, “отцов города” протополитов, “известных и протевонтов” (ἐμφανεῖς καὶ προτεύοντες), которые обычно имеются в виду¹², по крайней мере с эпохи Юстиниана I уже вполне соответствовали облику обычных провинциальных византийских чиновников, подотчетных имперскому центральному управлению, тем более, что такого рода служилое “начальство” воспроизводи-

¹⁰ Алексеевко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 155–170; ср.: *Он же*. К вопросу о существовании службы нотари-ев в Херсоне // АДСВ. 1998. С. 221–227; *Он же*. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности 1997–1998. Харьков, 1999. С. 151, 154. По мнению Н.А. Алексеевко, элементы городского самоуправления в лице муниципальных чиновников, к которым он причисляет куратора города (πατήρ τῆς πόλεως), экдика и протевонтов, “номинально” сохранялись вплоть до XI в. В одной из своих последних работ, как и предыдущие, посвященных разбору печатей, он приходит к заключению, что находки моливдулов этих чиновников, несмотря на то, что они имели имперские чины, “...свидетельствуют о продолжении существования в Херсоне традиций городского самоуправления, восходящих еще к античной эпохе, на всем протяжении существования здесь фемы”. Очевидно, сознавая наличие противоречий в своих утверждениях, Н.А. Алексеевко пытается рассматривать “чиновников городских властей Херсона фемного периода и как муниципальных, и как имперских служащих”, в чем он видит “особенность положения Херсона, когда город номинально как бы управлялся Городским советом, а фактически руководство городом осуществляла имперская администрация и члены муниципалитета, состоявшие на службе у государства” (см.: Алексеевко Н.А. Херсонская родовая знать X–XI вв. в памятниках сфрагистики // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 262–263, 265). При этом он не принимает во внимание, что члены “городского совета”, якобы существовавшего в феме Херсон, будучи на государственной службе, были все теми же имперскими чиновниками.

¹¹ Corpus juris civilis. Berolini, 1908. Vol. 1: Digesta. I. 5.17; Corpus juris civilis. Berolini, 1904. Vol. 3: Novellae. 78; Basilicorum libri LX / Ed. C.G.E. Heimbach, G.E. Heimbach. Lipsiae, 1846. Vol. 4. XLVI.1.14; Basilicorum libri LX. Ser. B (Scholia) / Ed. H.J. Scheltema, D. Holwerda. Groningen, 1963. Vol. 7. P. 2732–2733; *Goria F. Romani, cittadinanza ed estensione della legislazione imperiale nelle costituzione imperiale nelle costituzioni di Giustiniano // La nozione di “romano” tra cittadinanza e universalita: Da Roma alla Terza Roma (Studi II). Napoli, 1984. P. 301–302.*

¹² Латышев В.В. Жития св. епископов Херсонских. Исследование и тексты // Записки имп. АН. Серия VIII по истор.-фил. отд. Т. 8. № 3. СПб., 1906. Гл. 5. С. 59, 10; Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 40; Theophanes Continuatus, et rec. I. Bekkeri. Bonnæ, 1838. P. 123; *Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, пер., коммент. М., 1989. Гл. 42, 45–46. С. 172.*

лось и пополнялось главным образом из рядов влиятельной местной аристократии, нобилитета, городской знати, состоятельных собственников¹³. По образному сравнению А.П. Каждана, это было своего рода “дворянство мантии”¹⁴.

Уместно напомнить, что римские власти давно и искусно приспособлявали к своим нуждам органы общинного городского самоуправления. Поэтому формально оно сохранялось долго. Например, при Диоклетиане Никомидия сделалась столицей Востока империи, центром ее администрации, но еще для V в. известен эпиграфический памятник, в котором упоминается одна из фил Никомидии и ее грамматевс – секретарь¹⁵. Мало того, внедрение имперских чиновников в местную администрацию вовсе не обязательно встречало враждебность и противодействие горожан. В новых условиях в присылке правителей со стороны жители провинциальных городов были иногда даже заинтересованы, понимая, что эти люди невольно будут более беспристрастны и справедливы, не будучи скованы личными симпатиями и антипатиями, с представителями местного населения. Именно о такой услуге просил епископ Синесий у Троила, советника префекта претория Анфимия, имея в виду города Киренаики¹⁶. Дело в том, что централизованные формы управления городов глубоко утвердились уже в самом начале ранневизантийской эпохи, так что знаменитая 46 новелла василевса Льва VI, декларировавшая на словах отмену управленческих прав городских курий, имела скорее абстрактное, теоретическое, констатирующее, нежели практическое, новаторское содержание, которое плохо сочеталось с нормами и реалиями городской политической жизни даже V–VI вв., не говоря уже о VII–IX вв.¹⁷

Возвращаясь к Херсону, то и дело встречаешься с утверждением, что наличие в нем протевонов и архонтов едва ли не главное свидетельство сохранения местного самоуправления, особого статуса полисной организации города в VII–VIII и последующие века, по крайней мере до назначения сюда страстига василевсом Феофилом¹⁸. По последним уточненным данным это произошло не ранее 839 г. и не позже января 842 г.¹⁹ Поэтому ситуация иногда трактуется современными историками так, будто Херсон был “возвращен” Византии лишь в IX в.²⁰

¹³ Ср. с положением дел в Италии: *Бородин О.П.* Византийская Италия в VI–VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь). Барнаул, 1991. С. 284.

¹⁴ История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 171.

¹⁵ *Погодин П.Д., Вульф О.Ф.* Никомидия. Историко-археологический очерк // ИРАИК. 1897. Т. 2. С. 85.

¹⁶ *Synesii episcopii Cyrenes opera quae extant omnia / Ed. et interpreteter D. Petavio // PG. 1863. Т. 66. Ep. 73. Col. 1437.*

¹⁷ Ср.: *Лебедева Г.Е.* К проблеме городского самоуправления в Византии VIII–XI вв. // Средневековый город. Саратов, 1981. Вып. 6. С. 111–113.

¹⁸ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 37–38, 53; *Сидоренко В.А.* К вопросу о Фуллах и Доросе // МАИЭТ. (1994). 1995. Вып. 4. С. 588; *Романчук А.И.* Средневековый Херсон... С. 138; *Алексеев Н.А.* Провинциальный Херсон... С. 151.

¹⁹ *Treadgold W.R.* Notes on the Numbers and Organisation of the Ninth – Century Byzantine Army // GRBS. 1980. Vol. 21. P. 278. Not. 32; *Науменко В.Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 689–700; *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 312–323.

²⁰ *Hannick Chr.* Annexions et reconquetes byzantines. Peut – on parler d’un uniatisme byzantin? // Irenikon. 1993. N 66. P. 451–474. Более того, в свое время А.Л. Якобсон полагал, что местное самоуправление Херсона в лице “протов или протевонов, выбравшихся из среды местной аристократии и фактически самостоятельно правивших городом в IX в.”, продолжа-

На самом деле термин “первенствующие” (протеύοντες, πρῶτοι, протеύοντες πρῶτοι τῆς πόλεως) отнюдь не был уникальным, использовавшимся только для обозначения института властей и знати Херсона²¹. К тому же понятия “чиновничество” и “аристократия”, “знать” для византийцев этого времени были почти синонимами²². В VIII–начале IX в. протевоны имелись даже в крупных малоазийских деревнях, где они осуществляли какие-то официальные должностные функции наряду со старостами – протами деревень и низшими платными служащими – ипиретами (πρῶτοι τῆς κώμης, ὑπερήται)²³. Пользуясь превосходной сводкой данных, составленной А.П. Рудаковым, и лишь развернув ее в хронологической последовательности, “первенствующих” можно найти в V–VII вв. в ромейских городах Месопотамии, палестинском Никополе (Патерики), Спарте (“Лавсаик” Палладия), Александрии (Иоанн Мосх), Эфесе (Житие Феодора Сикеота); во второй половине VIII–начале IX в. – в Амастриде (Житие Георгия Амастридского); во второй половине IX в. – на Самосе, входившем в состав одноименной фемы (Житие Павла Латрского); в первой половине X в. – в Трапезунде (Житие Афанасия Афонского); в последней трети X в. – в одном из городов Македонии (Житие Фотия Фессалийского)²⁴. Кроме того, термин постоянно употреблялся в сигиллографии вплоть до первой половины XI в.²⁵ Связь его со стратой служилых лиц империи весьма прозрачна и легко улавливается.

Иногда термин “протевон” становится родовым именем, как это видно по печатям стратига Иоанна Протевона, отправлявшего эту должность и в феме Херсон, и, вероятно, также в феме Пелопоннес (и там, и там в высоком чине императорского протоспафария). И.В. Соколова датировала его херсонесскую печать второй половиной X–началом XI в., а Н. и В. Зайбт – рубежом X–XI вв.²⁶ Но не исключено, что оба моливдугла относятся к более раннему времени, так как имя Иоанна Протевона фигурирует во время мятежа, происшедшего в правление Романа I Лакапина (921–944) в феме Пелопоннес²⁷. Не ясна только последовательность карьеры протоспафария. Н.А. Алексеенко полагает, что за “неудачу в Пелопоннесе” он был переведен василевсом подальше в глушь, “из центральной области империи в далекую провинцию Херсон”²⁸. Но с точки зрения окраинности эти места могли поспорить друг с другом, тогда как родовое имя

ло существовать, “хотя и с меньшим значением”, в X в. и лишь в следующем столетии “в основном” прекратило существование (Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес... С. 19–20. Впрочем, это обстоятельство не мешало исследователю считать Херсон значительным византийским центром, номинально находившимся под властью василевса ромеев, и, видимо, не обращать внимание на то, что такие взгляды порождают совершенно противостественное для права и менталитета империи словосочетание – “самоуправляемый имперский город”.

²¹ Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917. С. 77, 78; Истрин В.М. Книжки временъныя и образныя Георгия Мниха. Т. 1: Текст. Пг., 1920. С. 201.8; 464.6.

²² Antonopoulou I. The “Aristocracy” in Byzantium: Evidence from the *Tactica* of Leo VI the Wise // *Byzantiaka*. 1993. Т. 13. Р. 151–160.

²³ Васильев А.А. Житие Филарета Милостивого // ИРАИК. 1900. Т. 5. С. 64, 74, 75.

²⁴ Рудаков А.П. Очерки... С. 78–79.

²⁵ Сюзюмов М.Я. Византийский город (середина VII–середина IX в.) // ВВ. 1967. Т. 27. С. 68.

²⁶ Соколова И.В. Монеты и печати... С. 160–161. № 45, 45а; Зайбт Н., Зайбт В. Печати стра-тигов византийской фемы Херсона. С. 95.

²⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 50. 23–41; 51. 199–204; С. 436–437; Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 710–711. № 9.

²⁸ Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона... С. 710.

Протеовон вполне подходило бы уроженцу знатного семейства “первенствующим” Херсона, хотя последнее утверждение следует еще, конечно, доказывать²⁹.

Эдиктом Юстина II, изданном в 569 г., определялось, чтобы гражданские начальники провинций избирались епископами из числа тех, кого они почтут способными и достойными, после чего избранных должны были обязательно представлять императору на окончательное утверждение³⁰. Еще раз подчеркнем, что подобная провинциальная знать формировалась в VI–VII вв. из куриалов, представителей родовитой полисной аристократии и частично смешивалась и совмещалась с чиновниками провинциального военно-административного аппарата³¹. Им особенно были близки и до мелочей известны нужды городов, в которых протекала их жизнь. К примеру, Василики уточняли, что от “городского первенствующего” зависело распределение общественных повинностей среди горожан для их выполнения³². По сути дела они ничем не отличались от чиновников по своим функциям, а “самоуправление по имперскому поручению” в условиях прогрессирующего падения роли и значения местных муниципальных структур уже в VI в. было заменено комитетами “нобилей”, а в VIII–IX вв. выродилось в институт “властвующих” – всевозможных архонтов разных рангов³³. Г.-Г. Бек отмечал, что родовая аристократия почти не участвовала в центральном административном аппарате, но зато была связана с провинцией и ее управлением³⁴. По данным, собранным О.Р. Бородиным, в городах византийской Италии VI–VIII вв. она была представлена прослойкой средних и крупных земельных собственников или долгосрочных арендаторов, отчасти состоявших из чиновников и военных, живших в городах и получавших земельную ренту³⁵. Особенно наглядно это видно на примере Равенны, где члены городского управления, состоявшие на службе государства, избирались из числа местной знати, но утверждались центральной властью³⁶. Согласно Житию Георгия Амастридского, к “избранным города” (τῆς πόλεως ἐκκριτῶν), отправленным около 790 г. за новым епископом, относились как представленные в списке клириков, так и представители местной администрации (ἄσσοι τῆ τοῦ ἐκράττου καὶ ἄσσοι ἐν τέλει)³⁷. Славянская версия Жития Стефана Сурожского, отразившего события VIII–первой половины IX в., упоминала в числе первых людей “мужей старейшин гродных”³⁸. Видимо, это были те, кого Константин Багрянородный в “Жиз-

²⁹ Ср.: Шандровская В.С. Представители византийских родов в Херсоне-Херсонесе по данным печатей // АДСВ. 1998. С. 302–303. Рис. 2, 4.

³⁰ *Novellae constitutiones imperatorum post Iustinianum, quae supersunt // Ius graeco-romanum* / Ed. С.Е. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1857. Vol. 3. Col. I. Nov. 5. P. 10–13; Тяжелов А. Законы греческих императоров в отношении к церкви после Юстиниана. М., 1876. С. 29.

³¹ См.: Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст., коммент. А.А. Чекаловой. М., 1993. С. 430; Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. Л., 1971. С. 204; Он же. История Византии (от античности к феодализму). М., 1984. С. 110.

³² *Basilicorum libri LX* / Ed. С.Г.Е. Heimbach, G.E. Heimbach, Lipsiae, 1833. Vol. 1. X. 2. 31.

³³ Brătianu G. Privileges et franchises municipales dans l’empire Byzantin. P., 1936. P. 43 sq.; Курбатов Г.Л. К вопросу о судьбах византийского города в VII в.: некоторые замечания // ВВ. 1994. Т. 55. С. 71–72.

³⁴ Beck H.-G. Konstantinopel. Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Stadt // BZ. 1965. Bd. 58. Hf. 1. S. 18.

³⁵ Бородин О.Р. Византийская Италия...С. 46–49, 51–53, 59–60, 69–70, 209. Табл. 1–2.

³⁶ Diehl Ch. Etudes sur l’administration Byzantine dans l’eksarchat de Ravenne. P., 1888. T. 2. P. 93 sq.

³⁷ Васильевский В.Г. Труды. Т. 3: Русско-византийские исследования. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Пг., 1915. С. 26. 5–6.

³⁸ Там же. С. 84. Гл. 14.

неописании Василия” называл людьми, “к управлению причастными и делами занимающимися”³⁹. Согласно закону, знатным считался не просто богатый, но обязательно имеющий влияние на других людей или хотя бы обладающий почетным титулом⁴⁰. Наконец, надо обязательно учитывать одно решающее обстоятельство: любая местная власть в Византии повсюду осуществлялась только от лица (ἐκ προσώπου) василевса и, следовательно, автоматически причислялась к провинциальной служилой администрации, управляемой из Константинополя⁴¹.

Упадок античного землевладения в Херсоне позволяет заключить, что уже в начале раннего средневековья органы городского управления, как и в других византийских городах, комплектовались из наиболее влиятельных и зажиточных горожан, преимущественно солидных торговцев, связанных с оптовой морской торговлей с византийскими центрами, и, возможно, из ростовщиков, домовладельцев, а также некоторых крупных предпринимателей, получавших доходы от местного соляного и рыбозасолочного промыслов⁴². На то, что в первой половине X в. такие “первенствующие” в Херсоне несомненно были чиновной знатью недвусмысленно указывает наличие печатей царского спафария ἐπί τῶν οἰκειαρχῶν – чиновника, имевшего отношение к управлению императорскими имуществами, именными и одновременно протевона Михаила⁴³. Такие полномочия могло иметь только официальное должностное лицо, далекое от давно забытых традиций куриальных выборов и полисного самоуправления. Как и в метрополии, они существовали здесь до конца X–первой половины XI в.: этим временем Н. и В. Зайбт и Н.А. Алексеенко датируют моливдовулы протевонов Херсона – царского протоспафария, хрисотриклитита Иоанна, а также патрикия и стратилата Калокира (два последних слова читаются на печати с известной долей вероятности)⁴⁴. Даже так называемые “отцы города” (πατέρες τῆς πόλεως), известные в Херсонесе, как и в других ранневизантийских городах, по меньшей мере с конца IV в.⁴⁵, обзаводились главным атрибутом чиновника – печатью, как некий Сергей, моливдовул которого относится к первой половине X в.⁴⁶ Это действительно была “реально существовавшая должность”, возможно, как и ранее, сопряженная с выполнением определенных административных,

³⁹ Theophanes Continuatus... P. 239; *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей / Изд. Я.Н. Любарский. СПб., 1992. С. 103 (V. 18).

⁴⁰ *Брентано Л.* Народное хозяйство Византии. Л., 1924. С. 49; *Бородин О.Р.* Византийская Италия... С. 70. Табл. 2.

⁴¹ См.: *Удальцова З.В., Бибииков М.В., Чичуров И.С.* Византинистика на XVI Международном конгрессе исторических наук // ВВ. 1987. Т. 48. С. 6.

⁴² *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI в.: политический и экономический аспекты // Херсонский сборник. 1998. Вып. 9. С. 123, 124–126.

⁴³ *Соколова И.В.* Монеты и печати... С. 159. № 43; *Степанова Е.В.* О конференции памяти А.В. Банк // ВВ. 1988. Т. 49. С. 258; *Соколова И.В.* О так называемой печати протевона Херсона // Вспомогательные исторические дисциплины. 1991. Т. 23. С. 94–102; *Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art Washington, 1991. Vol. 1. P. 186. N 82.10.

⁴⁴ *Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов... С. 94; *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей... С. 165–167. № 14–15.

⁴⁵ *Ростовцева М.И.* Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. 1907. Вып. 23. № 2 (надпись 370–375 гг.). Подробнее см.: *Храпунов Н.И.* О взаимосвязи византийской и муниципальной администраций Херсона: чиновники πατέρες τῆς πόλεως // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь, 1999. С. 162–164, 166.

⁴⁶ *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей... С. 164. № 13.

судебных и финансовых функций, – должность явно управленческая (если вспомнить все немногое, что известно о ней из хроник Никифора, Феофана и его Продолжателя, а также Константина Багрянородного), но отнюдь не относящаяся к самоуправляемой на античный лад муниципальной организации. Примечательно, что в IX–X вв. титул *πατέρες τῆς πόλεως* был неразрывно связан с должностью эпарха, очевидно, благодаря особой заботе последнего о благоустройстве и снабжении города продовольствием⁴⁷. Без утверждения со стороны центрального правительства такая должность была немыслима, как и должность еще одного имперского чиновника – экдика города. Императорский кандидат Никифор, чьи печати Н.А. Алексеенко относит к концу IX–началу X в., мог распоряжаться в фемном Херсоне только как государственный служащий, учитывая, что таковой его должность стала уже при Анастасии, когда отправлявшие ее получали высокие титулы “светлейших”, “сиятельных” – “клариссимов” (“лампротатов”) и имели полицейские и судебные функции, близкие к функциям куратора или “защитника” – дефенсора города⁴⁸. Так, в середине VI в. экдик с титулом “лампротат” был известен как дефенсор Равенны, а в одном из греческих папирусов 618 г. из Египта он упоминается одновременно как “славный комит и красноречивый экдик”⁴⁹. Н.А. Алексеенко не мог не заметить, что печати херсонесских экдиков принадлежали государственным чиновникам, и тем не менее он продолжает говорить об “определенных чертах самоуправления”. По его мнению, несмотря на то что экдики Херсона представляли муниципальные власти, они вместе с тем исполняли обязанности государственных служащих в структуре фемной администрации⁵⁰. Между тем, правильнее было бы сказать наоборот: именно потому, что эти чиновники были государственными служащими, они одновременно представляли власти византийского города.

Не меняют этого вывода и находки печатей еще одного чиновника – “кира” Херсона. Это была именно должность, хотя аналогичный титул *κύριος* (*dominus*) – “господин” фигурировал среди высшего класса ранневизантийских чиновных званий, таких как *illustres*, *magnifici*, *gloriosi*⁵¹. Именно так называется кир Иоанн, моливдул которого, относящийся к VIII–первой половине IX в., сообщает о том, что его обладатель носил имперский титул *ипата* и, судя по следам ткани на одной из сторон буллы, занимался на таможене опечатыванием грузов, товаров, отправляемых из Херсона⁵². Еще две печати из недавних находок, при-

⁴⁷ Constantini Porphyrogeniti imperatoris de ceremoniis aulae byzantinae libri duo. Bonnae, 1829. Vol. 1. P. 264; *Guiland R.* Etudes sur l’histoire administrative de l’Empire Byzantin. L’Eparque. I. L’eparque de la ville. ‘O’ Πατάρχος τῆς πόλεως // BS. 1980. Т. 41. F. 1. P. 19.

⁴⁸ Алексеенко Н.А. Новые находки печатей... С. 162–163. № 13; ср.: *Corpus juris civilis*. Berolini, 1895. Vol. 2: *Codex Justinianus*. XII. 37.19. *Feissel D.* Nouvelles donnés sur l’institution du pater tes poleos // *Dagron G., Feissel D.* Inscriptions de Cilicie. P., 1987. P. 219–220.

⁴⁹ *Koch P.* Die byzantinischen Beamtentitel von 400 bis 700. Inaugural-Dissertation. Jena, 1903. S. 19, 33.

⁵⁰ Алексеенко Н.А. Новые находки печатей... С. 163–163. Ж.-К. Шене (без аргументации) причисляет экдика, как и *πατήρ πόλεως*, и протевонов, к “античным институтам” – Шене Ж.-К. Поздний архонт... С. 310.

⁵¹ *Koch P.* Op. cit. S. 82–83.

⁵² Соколова И.В. Монеты и печати... С. 114, 146. № 4. Ж.-К. Шене без каких-либо оснований считает возможным подразумевать под этим “киром Херсона” “представителя, которого направлял в город хазарский каган” (Шене Ж.-К. Поздний архонт... С. 311). Будь оно так, у этого “представителя кагана” была бы довольно странная, ничем не объяснимая функция – пересчитывать тюки с чужими грузами, прибывавшими и уходившими в чужую страну. Могли ли за эти его “труды” византийцы почтить его саном *ипата*?

надлежавшие ипату Льву, Н.А. Алексеенко относит к рубежу VIII–IX вв.⁵³, ко времени, когда судя по данным Жития Иоанна Готского, в Юго-Западной Таврике действовали также “кир Готии и его архонты” (τῶ κίρω Γοθίας καὶ τοῖς ἀρχουσι), в числе которых значился, очевидно, и кир Фул (ὁ κύριος τῶν αὐτῶν Θουλῶν)⁵⁴. Все они были православными правителями, игемонами (τῶν ἐπαρχίω-ων ἡγεμόνες⁵⁵), в ситуации кондоминатного византино-хазарского владения в Крыму радевшие все же больше об интересах ромейской стороны, нежели каганата, и не желавшие, чтобы хазары “подчинили страну их” (μὴ κατακυριεύσαι τῆς χώρας αὐτῶν)⁵⁶. В их действиях то и дело проявляется ориентация на указания Константинополя, стремление сохранить личину верноподданных василевса ромеев. Во всяком случае именно так обстояло дело тогда, когда 24-летний Константин VI отправил в монастырь свою законную жену Марию, навязанную ему матерью, и вопреки воле патриарха обручился со своей любовницей Феодотой, дочерью кувикулария – спальничего, а вскоре венчал ее на царство. При этом в обоих версиях Жития Феодора Студита, написанного во второй половине IX в. (скорее всего после 868 г.) монахом Михаилом со слов Софрония, преемника Феодора Студита, содержится любопытная и многозначная подробность: около 795 г. правители (τῶν ἐπαρχίω-ων ἡγεμόνες) Лонгивардии, Готии и игемон, или топарх, Боспора последовали за беззаконным “прелюбодеем” Константином VI, т.е. по его “нечестивому примеру” взяли себе новых жен, отчего от общения с ними отказались якобы все живущие по соседству епископы и пресвитеры климатов Херсона и Боспора (ἐν τοῖς κλίμασι τῆς κατὰ Χερσῶνα καὶ Βόσπορον παροικίας)⁵⁷. Если статус этих окрестных по отношению к Херсону киров – игеменов остается не до конца ясным и в них лишь можно подозревать правителей – наместников пограничных областей Византии, то собственно городские кiry вполне находят место в провинциальном имперском чиновном аппарате и на имперской сановной лестнице. К слову, последнее обстоятельство наиболее убедительно указывает на то, что это не были самоуправляемые элементы, только и мечтавшие о вольностях. Свобода в тех условиях была бы слишком тяжелой ношей, лишала бы покровительства и, с этой точки зрения, оказывалась совершенно не желанна, во всяком случае в былом “демократическом”, полисном понимании. В Византии и вообще в средневековом обществе она понималась как гарантированный статус и могла реализовываться только в состоянии зависимости.

В свое время В.Г. Васильевский прозорливо предостерегал от преувеличения самостоятельности Херсона, как и прочих причерноморских окраинных городов, ибо они и не стремились к освобождению от верховной власти Византии,

⁵³ Алексеенко Н.А. Новые находки печатей... С. 160–161. № 8–9.

⁵⁴ Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2. С. 416–417. Гл. 5; С. 424–425. Гл. 9.

⁵⁵ Ср.: *Michailus Monachus*. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori praepositi Studitarum (vers. I) // PG. Turnhout, 1976. Т. 99. Col. 137.

⁵⁶ Житие Иоанна Готского. С. 416. Подробнее см.: *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. С. 232–240.

⁵⁷ *Michailus Monachus*. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris. Theodori abbatis monasterii Studii (vers. II) // PG. Turnhout, 1976. Т. 99. Col. 252; ср.: *Michailus Monachus*. Vita et conversatio Col. 137; *Ševčenco I.* Hagiography of the Iconoclast Period // *Iconoclazm*. Birmingham, 1977. P. 116. По мнению А.И. Айбабина, термин “топарх” отсутствовал в византийской чиновной иерархии в IX–X вв. и был вставлен в текст жития позднейшим переписчиком не ранее XI в. (*Айбабин А.И.* Этническая история... С. 188, 210). Однако эта поправка, даже будучи принята, не меняет сути моих рассуждений.

а имперское правительство поддерживало их весьма относительную, по сути дела призрачную, автономию не просто в виде вынужденного компромисса, но и сознательно, как средство, обеспечивающее максимальную преемственность местного аппарата управления, гибкость и эффективность торговли, контактов с соседями и способ избежать недовольства центром⁵⁸.

Призрачность этой автономии подтверждается составом администрации, контролировавшей и направлявшей жизнь города. Бдительное око имперских властей то и дело обращалось к Херсону даже до того, как он окончательно вошел в состав империи, а императоры не забывали его в своих указах и эдиктах. Если правильно интерпретировать фрагмент одного из таких декретов, уже Феодосий I разрешил федератам из числа варваров селиться в городе и его округе, а Гонорий в 408 г. подтвердил это право⁵⁹. Сентябрем 419 г. датируется постановление Гонория и Феодосия II об освобождении от наказания херсонцев, раскрывших варварам секреты кораблестроения⁶⁰. Императорской властью было возложено на город отправление морской повинности, связанное с поставками корабельного снаряжения, причем отменена она была (да и то, видимо, ненадолго) опять-таки императорским решением только в последней четверти VI в.⁶¹ В период правлений Зинона–Юстиниана I гражданские дела в городе находились в ведении префектуры Востока, к которой скорее всего и принадлежали комиты, присылаемые в Херсонес с конкретными поручениями⁶². Будучи проводниками государственной политики, они курировали дела города, получившего статус императорского. Комиту в свою очередь подчинялся викарий, который, кроме осуществления военных функций, ведал практионом, занятым сбором разнообразных налогов, в том числе с торгово-ремесленной деятельности, которые шли на содержание военного гарнизона, войск и оборонительное строительство. Таким образом, наблюдается четкая вертикаль власти, соответствующая композиции позднейших византийских стратигов, хартуляриев и коммеркиариев или протонотариев. В руках комита, по уровню соответствовавшего стратигу, сосредотачивался надзор за военной и гражданской властью, так как, кроме командования войсками, он еще и контролировал городские финансы. Вероятно, задолго до введения в империи фемной системы управление Херсона было сходно с ней по характеру организации и должностным функциям имперских чиновников.

Во время правления Юстина II, Маврикия и Тиверия в городе все так же сохранялось присутствие государственных чиновников⁶³. Только вместо комита в

⁵⁸ См.: *Заливалова Л.Н.* Византийский город в трудах В.Г. Васильевского // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 156.

⁵⁹ *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. С. 67.

⁶⁰ *Theodosiani libri XVI constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes* / Ed. Th. Mommsen, P.M. Meyer, Berolini, 1905. Vol. 1. P. 2. XVI. 9.40.24; *Айбабин А.И.* Этническая история... С. 83.

⁶¹ *Corpus juris civilis*. Berolini, 1904. Vol. 3: *Novellae* / Rec. R. Schoell. *Opus Schoelli morte interseptum absolvit* G. Kroll. Nov. 163. Cap. 2 (новелла была издана на пасху 575 г. по инициативе кесаря Тиверия, незадолго перед этим ставшего соправителем тяжело больного, терявшего рассудок Юстина II, и предусматривала податные льготы на ближайшие четыре года).

⁶² *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Указ. соч. С. 118–121; ср.: *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 22; *Баранов И.А.* Административное устройство раннесредневекового Херсона // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 138.

⁶³ *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из южной России // ИАК. 1906. Вып. 18. С. 122–123; *Он же.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896. С. 107; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 67–68.

Херсон с аналогичными функциями назначаются стратилат и дука, которого следует рассматривать в качестве представителя верховной власти империи в Северном Причерноморье. На него были возложены функции гражданского управления, а кроме того он командовал и вооруженными силами Херсона⁶⁴. Тогда же в дальних окрестностях Херсона, на подступах к нему было развернуто обширное крепостное строительство и разместились так называемые энспонды – союзники, федераты империи из алаано-готов⁶⁵. Очевидно, для удобства сношения с ними в городе были особые имперские служащие – переводчики, скорее всего из числа местных жителей, хорошо знавших языки “варваров”. Два экземпляра моливдула такого переводчика, Стефана, датируются второй половиной VI–первой половиной VII в.⁶⁶, как раз укладываясь в период наиболее оживленного возведения оборонительных рубежей, так называемых “длинных” (больших) стен”, отдельных кастра, фрур на Эски-Кермене, Мангупе, Чуфут-Кале и в других местах “страны Дори” или “климатов Готии”.

На время напряженных отношений с тюрками в 70–80-е годы VI в. приходят моливдовулы императоров Тиберия и Маврикия, а еще одно послание Маврикия было отправлено в Херсон не ранее 590 г., когда ситуация в Крыму стабилизировалась и имперские чиновники взялись здесь за строительство укреплений, общественных зданий и, надо думать, самых крупных христианских храмов⁶⁷.

Несмотря на войну Византии с Персией, осложнившуюся гражданской войной, восстаниями и государственными переворотами в 602 и 610 гг., Херсон оставался в сфере пристального внимания имперской администрации, о чем свидетельствуют находки моливдовулов Фоки и печати Ираклия, тип которой относится кначальному этапу его правления (ок. 616–625 гг.)⁶⁸.

В империи все платили подати. Эдикт Юстина II от 569 г. подчеркивал, что от них не должны были быть свободны ни “божественный дом” (οὐ Θεῖος οἶκος), ни церковь, ни птохионы, ни монастыри, ни знатные лица, ни сами те чиновники, которые заведуют сбором государственных податей и налогов⁶⁹. Уже во второй половине VI–первой половине VII в. в Херсоне действовали такие специальные имперские налоговые чиновники, как аркарий, собиравший деньги в кассу ведомства префекта претория или ведомства комита “священных щедрот”⁷⁰. Даже если верно предположение Н.И. Храпунова, что в данном случае мы име-

⁶⁴ *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Указ. соч. С. 123–124.

⁶⁵ *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма... С. 68; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории “пещерных городов” в Крыму. Симферополь, 1992. С. 191; *Герцен А.Г.* Мангуп – крепость федератов // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Тезисы докл. международ. науч. конф. Симферополь, 1994. С. 10–11; *Герцен А.Г.* Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Международ. науч. конф. “Византия и Крым”. Тезисы докл. Симферополь, 1997. С. 33; *Айбабин А.И.* Этническая история... С. 111–120; *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. ... дис. докт. ист. наук / МГУ. М., 1999. С. 34–35, 37.

⁶⁶ *Соколова И.В.* Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым (АДСВ. Вып. 26). Барнаул, 1996. С. 193–194. Рис. 4.

⁶⁷ См.: *Алексеев Н.А.* Провинциальный Херсон... С. 145–146, 148–150. № 6–7; *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья... С. 35–37.

⁶⁸ *Соколова И.В.* Византийские печати VI–первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т. 52. С. 204. № 3; *Алексеев Н.А.* Провинциальный Херсон... С. 145–146. № 8–9.

⁶⁹ *Novellae constitutiones imperatorum post Iustinianum...* Col. I. Nov. 5. P. 13.

⁷⁰ *Соколова И.В.* Византийские печати VI–первой половины XI в. из Херсонеса. С. 203, 206. № 13; *Соколова И.В.* Византийские печати из Херсонеса. С. 193.

ем свидетельство не о сборщике податей, а о казначее богадельни или приюта⁷¹, это не меняет дело, ибо и в этом случае перед нами имперский финансовый чиновник, имевший в городе какие-то казенные полномочия и так или иначе связанный с сакеллой.

Регулировать перераспределение товаров и собирать казенные сборы с города продолжали и позже, о чем свидетельствуют находки серии печатей коммеркиариев VII–VIII вв., печатей главного логофета (геникона), императорского спафария (Феофана?) второй половины VIII в. и следующих за ним вплоть до середины–второй половины X в. логофетов геникона в чине магистров, анфиатов патрикиев, императорских протоспафариев, что подрывает мнение исследователей об освобождении города от налоговых повинностей⁷². Недавно к этому ряду памятников, оставленных лицами государственной финансовой администрации, добавился моливдовул императорского протоспафария Стефана, который в X в. выполнял функции протонотария τῶν Μισυράων καὶ Χερσῶνος, т.е. принадлежал к числу канцеляристов и финансовых служащих известного константинопольского секрета Манганы и одновременно контролировал какие-то императорские имущества в Херсоне. Н.А. Алексеенко, опубликовавший печать, считает, что ее присутствие указывает на “определенные налоговые привилегии, наличие которых скорее всего... освобождало Херсон от каких-либо других чиновников фискальной службы империи”⁷³. Однако с не меньшим основанием можно допустить, что она свидетельствует об обратном, – о финансовом контроле над городом со стороны столицы и взимании определенных имперских сборов, пополнение которых непрерывно осуществлялось (кроме того) через коммеркиариев, хартуларию, логофетов, чья документация зафиксирована сфрагистическими источниками Херсона VII–X вв.

Очевидно, какие-то экономические, торговые вопросы имперского уровня интересовали в Херсоне архонта влаттия – начальника, отвечавшего за снабжение императорского двора тканями, одеждами, преимущественно шелковыми особыми расцветок. Его печать с изображением василевсов Льва III и его сына Константина V датируется 739–751 гг.

Наконец, в городе существовали государственные благотворительные учреждения, птохионы и ксенодохионы, которыми управляли соответствующие государственные чиновники скорее всего из числа клириков⁷⁴. Один из таких приютов, посвященный св. Фоке, располагался, очевидно, в первом или втором квартале портового района Херсона, а другой мог входить в комплекс женско-

⁷¹ Храпунов Н.И. Администрация *euageis oikoi* в Херсоне // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 358–359.

⁷² Соколова И.В. Византийские печати VI–первой половины IX в. ... С. 203. № 41–43; Она же. Византийские печати из Херсонеса. С. 193–194. Рис. 3, 5; Alexeenko N.A. Unique Find of the Group of Byzantine Lead Seals from Cherson // Byzantium: Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. Abstracts of Communications. Copenhagen, 1996. N 8414. Отсутствие печатей собственно византийских коммеркиариев Херсона вплоть до времени образования фемы может говорить лишь о том, что Херсон долгое время не был самостоятельной апофикой или царским коммеркионом (после 730 г.), а входил в иной административно-таможенный округ, может быть, побережья Понта или Пафлагонии. В условиях хазаро-византийского кондоминатного владения, которое обязывало к совместной эксплуатации крымской территории, здесь и не должна была появиться местная византийская таможня со своим коммеркиарием. Это стало возможно только после развала кондоминиума и образования стратигиды Херсона и климатов.

⁷³ Алексеенко Н.А. К вопросу о существовании службы нотариюв... С. 227.

⁷⁴ Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 1998. С. 229–230, 244–245; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 643–665; Храпунов Н.И. Администрация *euageis oikoi* в Херсоне. С. 357–361.

го монастыря – “дома св. Леонтия”, отождествляемого с Западной базиликой (№ 13).

Поэтому можно поставить следующий вопрос: на чем строится постулируемое некоторыми исследователями положение о том, что уже при Ираклии или во всяком случае “не позже начала VIII в. в Херсоне начали действовать структуры городского самоуправления при минимальном вмешательстве центральной власти”⁷⁵. С этим звучащим как аксиома тезисом никак не согласуется назначение в город имперских титулярных чиновников, примером чему может быть спафарий Илья, дорифор – “копыносец” василевса, в 711 г. поставленный Юстинианом II архонтом Херсона, но волею обстоятельств ставший одним из организаторов мятежа против “непопулярного” императора⁷⁶. При этом И.А. Баранов указывал на якобы происходившее со второй половины VII в. снижение ранга местных служащих вплоть до звания ипата, объяснимое, по его мнению, происходившим падением стратегического значения Херсона (sic!)⁷⁷. Однако невозможно представить, что это был единственный в городе византийский чиновник на протяжении столь длительного времени. Сфрагистические находки постепенно ликвидируют пробел. В этом плане следует обратить внимание на печати Саввы – ипата и Феодора – ипата и спафарокандидата, архонтов Херсона, из сравнительно ранних (VIII в.), а также на моливдовулы Зоила – ипата и архонта Херсона рубежа VIII–IX вв. или первой четверти IX в.⁷⁸

О сравнительно низком ранге обладателей печатей ипатов следует говорить с осторожностью: сан ипата носили синклитики. Ипаты не были военным, но их положение соответствовало прежнему консульскому, упраздненному при Юстиниане I. Оно следовало сразу за титулом спафария, имевшего, однако, военный характер⁷⁹. Во всяком случае звания ипата было вполне достаточно, чтобы получать очень высокие должности. Например, ко второй половине VII – первой половине VIII в. относится печать ипата Стефана, который занимал пост экзарха – правителя Италии, т.е. представлял василевса на территории Равеннского экзархата⁸⁰. Ипатами чаще всего становились дуки и другие представители высшей военной аристократии⁸¹. Позже, около середины IX в. ипат Зоил был среди первых фемных стратигов Херсона⁸². Даже в XI в. стратиги со званиями ипатов были главами округов и городов-крепостей, например, на территории армянского Васпуракана⁸³. На важную должность комита Опсикия, малоазийской области, чьи вооруженные силы играли роль личной императорской гвардии, в VIII–начале IX столетия тоже назначали лиц самого разного звания, среди которых были и патрикии, и спафарии. В трактате “О фемах” Константин Багрянородный отмечал, что прежде, до того как были учреждены должности стратигов фем, комитами называли стратигов⁸⁴. Следовательно, в понима-

⁷⁵ См.: Баранов И.А. Указ. соч. С. 138; ср.: Айбабин А.И. Этническая история... С. 195–196.

⁷⁶ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения... С. 64, 164.

⁷⁷ Баранов И.А. Указ. соч. С. 138.

⁷⁸ Алексеенко Н.А. Новые находки печатей... С. 156–157. № 1–3; Seibt W. Probleme... S. 305.

⁷⁹ Bury J.V. The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. L., 1911. P. 25–27.

⁸⁰ Степанова Е.В. Печати экзархов Италии // Византия и Ближний Восток. СПб., 1994. С. 59–60, 65. № 7. Табл. I, 4; II, 2.

⁸¹ Там же. С. 67–68.

⁸² Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов... С. 91–92.

⁸³ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). М., 1994. С. 38.

⁸⁴ Сочинения Константина Багрянородного “О фемах” и “О народах” / Пер. с греч. Г. Ласкина. М., 1899. С. 20–21.

нии ромеев это были одинаково высокие посты. Даже в конце IX в. Клиторологий Филофея называл комита Опсикия четвертым после стратигов крупнейших и важнейших фем (Анатолика, Армениака и Фракия) – и задолго до стратига Херсона, оказавшегося в том списке на последнем месте⁸⁵. Так что отправление должности в ранге ипата либо более высокого сана стратора или спафария ни в коей мере не умаляет положения византийских чиновников в Херсоне, долгое время, до создания фемы в конце 30-х годов IX в. являвшегося одной из архонтий империи ромеев⁸⁶. Именно так его неоднократно называл Херсон Никифор в своем “Бревиарии”⁸⁷.

Несмотря на дискуссионность понятия “византийский провинциальный архонт”, непреложным является тот факт, что преимущественно должностные лица, представители центральной власти из числа состоятельных провинциальных землевладельцев и владельцев недвижимости входили в имперскую административную систему, осуществляли гражданское и, очевидно, военное руководство, во всяком случае занимались вопросами обороны, руководили ополчением стратиотов, решали разнообразные вопросы местного управления и финансов⁸⁸. Необходимо отметить также, что главы архонтатов почти всегда располагались в табели о рангах на одном иерархическом уровне и в VIII–IX вв. примыкали в основном по своему служебному положению к среднему классу чиновников в сане спафариев, хотя поначалу, до конца VIII в., среди них встречались и носители низшего, четверного класса титулатуры (императорские кандидаты, страторы, ипаты)⁸⁹. Те же самые звания имели преимущественно архонты Херсона⁹⁰, которые, таким образом, были “не лучше и не хуже” глав других архонтий. Как и прочие имперские архонты в Византии, они исчезли из табеля чинов и должностей в последней трети IX столетия⁹¹, и крушение “полисного самоуправления” Херсона, равно как и “преобразования в городском хозяйстве”, здесь, конечно, ни при чем⁹². Таким образом, магия слова “архонт”, уводящая к древним временам херсонесской полисной общины, невольно снижает ясность исто-

⁸⁵ Bury J.V. Op. cit. P. 136–137.

⁸⁶ Ср.: Treadgold W. The Byzantine Revival 780–842. Standford, 1988. P. 17.

⁸⁷ Чичуров И.С., Византийские исторические сочинения... С. 164–165, 181.

⁸⁸ Кучма В.В. Оборонительные сооружения Херсона Таврического в свете установок “Тактики Льва” // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 154; Cheynet J.-Cl. L’archonte provincial tardif: l’exemple de Cherson // Международн. науч. конф. “Византия и Крым”. P. 95; Шене Ж.-К. Поздний архонт... С. 312, 314–316; Oikonomidès N. L’archonte slave de l’Hellade au VIIIe siècle // ВВ. 1998. Т. 55(80). Ч. 2. P. 111–119; ср.: Ферлуга Я. Архонтат Далмация // ВВ. 1957. Т. 12. С. 47–48; Соколова И.В. Печати архонтов Херсона // ЗРВИ. Београд. 1978. Т. 18; Angold M.A. Archons and Dynasts: Local Aristocracy and the Cities of the Later Byzantine Empire // The Byzantine Aristocracy. Oxford, 1984. P. 236–253.

⁸⁹ Ср.: Панченко Б.А. Каталог моливдовулов Русского Археологического института в Константинополе // ИРАИК. 1903. Т. 8. Вып. 3. С. 231–232. № 79/80.

⁹⁰ Zacos G., Vegler A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. 1. Pt. 1–3. N 1973, 2345, 3106, 3113; Соколова И.В. Монеты и печати... С. 76, 169, 174. № 1, 5–13; Алексеев Н.А. Новые находки печатей... С. 156–157. № 1–7.

⁹¹ Bury J.V. Op. cit. 13–15, 136f. Не случайно печати архонтов Херсона, на лицевой стороне которых была представлена крестообразная монограмма с обращением, исчезли после середины IX в. Это обстоятельство позволило Ж.-К. Шене констатировать, что “должность архонта не пережила учреждение должности стратига Климатов или стратига Херсона” (Шене Ж.-К. Поздний архонт... С. 313).

⁹² См.: Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977. С. 115; Соколова И.В. Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 208; Соколова И.В. Монеты и печати... С. 112; Алексеев Н.А. Новые находки печатей... С. 163.

рического взгляда многих исследователей и наталкивает на неправомерное сопоставление совершенно разнородных понятий, лишь волею случая обретавшихся в разные эпохи под одним и тем же греческим термином.

Обычно считается, что основной задачей Петроны Каматира, после того как он стал к 841–842 г. протоспафарием и стратигом Херсона, явилось “ограничение власти протевонов и подчинение муниципалитета центральной власти”⁹³. Однако такая вольная интерпретация источников (42 главы “Об управлении империей” и очерка о Феофиле Продолжателя Феофана) не соответствует их буквальному прочтению, которое указывает на то, что Петрона, хорошо знавший положение дел в Подонье и Таврике, более не регулируемых совместными действиями византийских и хазарских властей, советовал императору не полагаться на тамошних чиновников, протевона и “отцов города”, т.е. местных архонтов и уже известного нам по печатям конца VIII–первой половины IX в. кира, а “организовать избрание своего стратига (πρωβάλλου στρατηγὸν ἰδίου)”⁹⁴. Иными словами, упразднить прежний статус Херсона как архонтии и, создав стратегию, упрочить военно-административные позиции константинопольского правительства в пограничном анклав, оказавшемся в угрожающем положении вследствие возраставшей напряженности в отношениях с хазарами и появления в Северном Причерноморье венгров. Нет сомнения в верности херсонитов⁹⁵, а изменение политической ситуации в регионе, окончательное падение кондоминиума в Таврике подвигли центральную власть на решительное военно-административное преобразование. Поскольку глагол πρωβάλλω имеет значение “выставлять в качестве кандидатуры”, “предлагать к избранию”, можно думать, что Херсоном до этого управляли в основном выдвигаемые на месте чиновники из числа городской знати, протевонов – “нотаблей”, которых император лишь утверждал в должности, тогда как присылка верховного должностного лица, назначенного из столицы, на постоянное место службы, а не с временным конкретным поручением, было, видимо, делом достаточно необычным, редким. Согласно повелению Феофила, “протевон и все другие”, т.е. штат местных чиновников, действовавших “от лица” василевса, должны были с той поры безоговорочно подчиняться “избранному” стратигу, облеченному доверием самого императора⁹⁶.

Кстати говоря, если Петрона Каматир действительно был стратигом Херсона из числа “чужаков”, не следует ли ожидать находок сфрагистических сведений о более поздних отправителях такой должности и из числа местной знати? На это, например, указывают три недавно обнаруженные печати Михаила Херсонита, патрикия и стратига Херсона, скорее всего конца X в.⁹⁷ Ведь известные

⁹³ Ср. Баранов И.А. Указ. соч. С. 139.

⁹⁴ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Гл. 42. 41–47. С. 172; Theophanes Continuatus... Р. 123. Примечательно, что Иоанн Скилица в конце XI в. интерпретировал выражение “отцы города” по-своему, заменив его более понятными для его времени словами “тамошние динаты” (αὐτοῦχοῦνοι δυνατοί), и именно так переписал их у него Георгий Кедрин – Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae opе ab. I. Bekkerо suppletus et emendatus. Bonnæ, 1838. Vol. I. P. 528.

⁹⁵ Ср.: Шене Ж.-К. Поздний архонт... С. 316.

⁹⁶ *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания... С. 56 (III, 28); *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Гл. 42. 52, с. 172.

⁹⁷ Алексеевко Н.А. Византийская знать Херсона в памятниках сфрагистики // *Международ. науч. конф. “Византия и Крым”*. С. 11–12; Алексеевко Н.А. Херсонская родовая знать... С. 257–259. № 2–4. Не исключено, что архонт Херсона Зоил, носивший титул шпата, со временем стал одним из первых стратигов новой фемы Херсон, оставшись в прежнем сане

слова о правиле “отсюда (τῶν ἐντεῦθεν) для Херсона избирать стратигов”⁹⁸ могут, кажется, пониматься двояко. Во всяком случае эта тенденция прослеживается с последней четверти X в., когда среди стратигов начинают все чаще встречаться представители неизвестных на иерархической лестнице фамилий (Вога, Цула, Херсонит, Катасах, Кфарос)⁹⁹. Местные могли исполнять обязанности стратига Херсона, не получая официально этой должности, а имели лишь имперское звание, титул. К примеру, на лицевой стороне печати такого знатного лица второй половины IX–X в. – некоего Цула, род которого долго жил в крымских краях, вообще не было изображения, а на обороте значилось его имя с прибавкой “царский спафарий Херсона”¹⁰⁰.

В любом случае, произошедшее при Феофиле событие не носило экстраординарного характера, а сама учрежденная должность стратига, конечно, не была “чрезвычайной”¹⁰¹. Стратиги посылались и отзывались по мере необходимости, могли отправлять должность одновременно с архонтами, но “прямое императорское правление” не было новостью для Херсона, который, подобно другим провинциальным центрам Византии, давно управлялся представителями имперской администрации, независимо от того, были ли они приезжими чиновниками или принадлежали к архонтам и “первенствующим” из местной аристократии.

Когда новая фема все же была организационно оформлена к самому началу правления малолетнего Михаила III (842–867) и его матери, вдовствующей императрицы Феодоры, первое время ею могла быть только фема Климатов. Примечательно, что именно 842/843 годом датируется печать с именами Михаила и Феодоры, найденная в Херсоне¹⁰². К этому же времени относится Тактикон Успенского, где впервые фигурирует фема Климаты. Ее стратиг, как и полагалось, был назван в высоком чине патрикия (ὁ πατρίκιος καὶ στρατηγὸς τῶν κλιμάτων) на 23 месте из 79 в списке высших титулярных чиновников, патрикиев и протоспафариев, и на последнем, 17 месте, в списке патрикиев и стратигов фем¹⁰³. Архонты собственно Херсона (οἱ ἄρχοντες Χερσῶνος), упоминаемые в табели среди прочих архонтов на уровне спафариев, очевидно, разделяли со

(см.: *Алексеевко Н.А.* Новые находки печатей... С. 156–157. № 2, 3; *Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов... С. 91–92). Во всяком случае печати с одним и тем же редким для ромеев, но уже встречавшимся среди херсонской знати VIII в. именем (*Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... С. 40, 41, 130–131, 156; *Theophanis Chronographia / Rec/* С. de Voog. Lipsiae, 1885. Vol. 2. P. 241, 242), разделяет небольшой промежуток времени (первая четверть и середина IX в.). Поэтому их обладателем вполне могло быть одно и то же лицо из числа именитых уроженцев города, который в начале своей чиновной карьеры на службе василевсу возглавлял архонтию Херсон, а позже был “избран”, как и Петрона, фемным стратигом, т.е. повышен в должности.

⁹⁸ *Theophanes Continuatus*... P. 124; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Гл. 42. 53–54. С. 172.

⁹⁹ *Алексеевко Н.А.* Херсонская родовая знать... С. 261.

¹⁰⁰ Ж.-К. Шене такая формулировка, предложенная издателем печати Г. Шломберже, кажется подозрительной, и он склонен читать после слова “спафария” ΑΡΧ – “архонт” (вместо характерного в таких случаях ΑΡΗ), однако все это пока остается в области гипотез (*Шене Ж.-К.* Поздний архонт... С. 313).

¹⁰¹ См.: *Баранов И.А.* Указ. соч. С. 140.

¹⁰² *Алексеевко Н.А.* Провинциальный Херсон... С. 146, 148, 152. № 10.

¹⁰³ *Успенский Ф.И.* Византийская табель о рангах // ИРАИК. 1898. Т. 3. С. 115; *Oikonomidès N.* Les listes de présence byzantines des Ier et Xe siècles. P., 1972. P. 48–49; *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 321; *Науменко В.Е.* К вопросу... С. 691 сл.

стратигом функции управления, но находились в подчиненном положении, судя по месту в общей служебной иерархии¹⁰⁴. К примеру, Крит также значился среди фем, занимаая предпоследнее место перед Климатами, однако ниже, на 58 месте, среди патрикиев и протоспафариев, в Тактиконе помещался также “архонт Крита” (ὁ ἄρχων Κρήτης)¹⁰⁵, а еще ниже, среди спафариев, архонты южночерноморской фемы Халдии и архонты Крита были названы уже во множественном числе, наравне с аподоместиками, экскувитами и друнгариями, т.е. провинциальными военными чиновниками, в том числе из административного штата статига¹⁰⁶. Аналогичная субординация соблюдалась и архонтами северобалканского Диррахия, стоявшего выше в ряду фем¹⁰⁷. Кстати говоря, если бы Херсон продолжал считаться в это время архонтией, на чем настаивает И.А. Баранов¹⁰⁸, ее глава непременно был бы назван в единственном числе, как это было сделано в отношении Далмации и Кипра (ὁ ἄρχων Δαλματίας, ὁ ἄρχων Κύπρου)¹⁰⁹, еще долго действительно остававшихся архонтатами. Их “первенствующим” в свою очередь подчинялись прочие архонты. В конце списка чинов в ранге спафариев на 54 месте из 59 в Тактиконе 842–843 гг. еще раз были указаны “апархонты Далмации” (ἄρχοντες Δαλματίας), а также добавлено “и прочие архонты” (καὶ λοιποὶ ἄρχοντες)¹¹⁰.

Состав херсонских фемных властей остается еще одной лакуной, заполнить которую способны только новые сфрагистические и эпиграфические материалы. Обычно провинциальное управление в виде оффикия любого стратига включало хотя бы одного таксиарха – командира 1000 пехотинцев, турмарха или мерарха – глав военного подразделения (турмы или меры-“части”), “главу палатки” – фактически начальника штаба стратига; протонотария, возглавлявшего гражданскую администрацию; хартулария, выполнявшего не только военные, но и финансовые функции, и связанного с логофетом τῶν στρατιωτικῶν; доместика, друнгария и комита военных отрядов – банд, протокентарха или нескольких кентархов спафариев – командиров 40, 50, 100 воинов, комита τῆς ἐταιρείας, протоканцеллария – канцеляриста и протомандатора – “адъютанта”, посыльного¹¹¹. Известно, что комиты соответствовали архонтам¹¹² и под таким названием тоже могли фигурировать при стратиге Климатов – Херсона. Однако уже Н.П. Лихачев обратил внимание на то, что сохранившиеся печати местных византийских чиновников IX–X вв. – в основном печати стратигов и коммеркиариев. По его мнению, они «...намекают на то, что в Херсоне фемное устройство не получило полного развития... Стратиги Херсонеса, по чину протоспафарии, не всегда титулуются императорскими, то есть иногда не состоят и в разряде οἱ βασιλικοὶ (“царевы мужи”)»¹¹³.

Новые данные сигиллографии несколько разнообразят и пополняют эту

¹⁰⁴ Успенский Ф.И. Указ. соч. С. 124; *Oikonomidès N. Les Listes...* P. 56–57.

¹⁰⁵ Успенский Ф.И. Указ. соч. С. 119.

¹⁰⁶ Там же. С. 123.

¹⁰⁷ Там же. С. 115, 124.

¹⁰⁸ Баранов И.А. Указ. соч. С. 139–140.

¹⁰⁹ Успенский Ф.И. Указ. соч. С. 124.

¹¹⁰ Там же. С. 126.

¹¹¹ *Bury J.V. Op. cit. P. 41–46, 139; Oikonomidès N. Les listes...* P. 335–336, 341; *Idem. Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe–XIe s.). Athènes, 1996. P. 279.*

¹¹² *Bury J.V. Op. cit. P. 42.*

¹¹³ Степанова Е.В. Деятельность Н.П. Лихачева в Академии истории материальной культуры // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 142.

картину¹¹⁴, но в основе своей она верна: фема была невелика, и ее глава, очевидно, не нуждался в постоянном полном штате. Таким же небольшим по количеству мог быть состав ее военных сил. Описывая в трактате “О фемах” устройство Анатолийской фемы, Константин Багрянородный, ссылаясь на осведомленного чиновника VI в. Иоанна Лида, отмечал, что турмархи сами могли исполнять должность стратиггов и имели “...начальство над 500 воинами стрелками, 300 пельтастами и сотней копьеносцев”¹¹⁵. По численности это немногим отличается от того, чем располагали римские войска, размещенные в Херсонесе и окрестностях в первые века нашей эры¹¹⁶. Та сравнительно небольшая ежегодная сумма казенных денег (720 номисм), которую получал стратиг для Херсона из Константинополя¹¹⁷, даже в случае урезанного вдвое довольствия, позволяла содержать не больше сотни воинов. Другое дело, к регулярным военным силам в случае нужды могли присоединяться местные ополченцы-стратиоты, милиция, в которую издавна зачислялись сыновья горожан¹¹⁸. Ничто не указывает на то, что Херсон содержал свой, фемный военный флот¹¹⁹, но удобная гавань Карантинной бухты наверняка служила временной военно-морской базой для “царских кораблей”, на что указывают находки печати топотирита императорского флота Адриана, имевшего, вероятно, чин не ниже спафария, и печать еще одного императорского протоспафария и друнгария флота¹²⁰.

Кстати, обилие печатей стратиггов указывает на то, что они достаточно часто сменялись (в среднем каждые 4–6 лет) и подолгу не занимали свой пост в одном и том же месте, что, впрочем, совпадает с картиной в иных фемах империи, например, в Сицилии в VIII–IX вв. Видимо, объяснить этот феномен частой сменяемости только тяжелой военной обстановкой, частой гибелью стратиггов, их участием в неудавшихся военных мятежах едва ли оправданно¹²¹. На протяжении столетий обстановка была разной, но стратиги тем не менее не задерживались на своих местах дольше нескольких лет. Скорее в этом можно видеть стремление правившего центра “перетасовывать чиновную колоду”, дабы избежать эффекта привыкания, вращаясь в местную среду знати и, как следствие, роста провинциального сепаратизма.

Считается, что о низком положении фемы в IX в. свидетельствует относительно низкий ранг званий стратиггов Херсона этого времени (протоспафарий Петра Каматир, ипат Зоил, императорский спафарий Фока, императорский спафарий Константин, императорский спафарокандидат Иоанн, императорский спафарокандидат и протоспафарий Никифор, императорский протоспафарий Фео-

¹¹⁴ Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса. С. 203, 212. № 49–51 (печати комита τῆς κέρτης и турмарха); Она же. Византийские печати из Херсонеса. С. 193 сл.; Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратиггов... С. 91–97; Alexeenko N., Romanuk A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // Studies in Byzantine Sigillography // Ed. N. Oikonomides. Washington, 1995. Vol. 4. S. 140–146; Алексеенко Н.А. К вопросу о существовании службы нотариев в Херсоне. С. 221 сл.

¹¹⁵ Сочинения Константина Багрянородного “О фемах” и “О народах”. С. 23.

¹¹⁶ Ср. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. С. 59–78, 139–140, 148.

¹¹⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 274. Гл. 53. 526–527.

¹¹⁸ Там же. С. 254. Гл. 53. 156–158.

¹¹⁹ Константин Багрянородный указывает лишь на грузовые, пассажирские суда (Χερσωνιτικὰ κάρβια), которых, “сколько ни найдется”, вместе с их грузом следовало в случае необходимости арестовать в столице – Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 274. Гл. 53. 514–515.

¹²⁰ Alexeenko N., Romanuk A., Sokolova I. Die neuen Funde... S. 147–148.

¹²¹ Степанова Е.В. Печати Сицилии VIII–XI вв. из собрания Эрмитажа // АДСВ. 1998. С. 291.

фаний – титулы чиновников соответственно 11, 7, 8 и 9 рангов), тогда как с рубежа IX–X вв. преобладали моливдовулы стратигов преимущественно с саном спафарокандидатов или протоспафариев (9 и 11 ранги)¹²². Однако в IX столетии и другие, более крупные и важные фемы возглавляли стратиги с подобными “низкими” званиями. В этом плане показательны приводимые Н. и В. Зайбт сведения о спафарии Фоке, который в середине IX в., кроме должности стратига Херсона, занимал в том же звании важнейший пост друнгария фемы Эгейских островов, а затем и стратига одной из самых старейших и больших азиатских фем империи – Анатолика¹²³. Так что “сановный индикатор” оказывается не самым надежным для определения истинного места фемы и важности ее стратигов.

Тонкий знаток византийской титулатуры Ф.И. Успенский, сравнивая тексты тактиконов IX в., заметил, что порядок перечисления в них зависел не только от старшинства чинов, но и от должностей, занимаемых разными чиновниками различных ведомств, отчего служащие высших ведомств (таких как стратигии) иногда оказывались в этих номенклатурных списках впереди даже в тех случаях, когда они обладали сравнительно невысокими званиями¹²⁴.

Видимо, есть определенная условность тактиконов в самом показном именовании фемных стратигов только патрикиями. В Клиторологии, составленном асикритом Филофеем в 899 г., стратиг Херсона по-прежнему титуловался анфипатом патрикием, хотя до сих пор не известно ни одной печати стратига Херсона ранее последней трети X в. именно в таком высоком звании¹²⁵. Очевидно, поэтому И.А. Баранов полагал, что протоспафарий Петра Каматир не мог быть по своему положению и дворцовому чину стратигом фемы¹²⁶. Но, согласно Тактикону 842–843 гг., подтвержденному данными сигиллографии, в стратигиды могли назначаться стратиги и в ранге протоспафириев, занимавших в этом случае 27 место среди 79 высших чинов¹²⁷. О том, что в Херсоне они были именно главами фемной администрации, а не временными чиновниками по особым поручениям, подчиненными правителям других провинций, свидетельствует отсутствие печатей стратигов, датируемых ранее второй трети IX в., среди прочих моливдовулов имперских должностных лиц – аркариев, переводчиков, клириков, архонтов, логофетов, коммеркиариев. Весьма странной выглядела бы на фоне устройства этой стратигии та “мощная полисная организация” с имперскими титулованными архонтами – “представителями самоуправления” (sic!), которая якобы наличествовала в городе в 30–60-х годах IX в.¹²⁸ Если это были представители местного городского самоуправления, тогда почему в Константинополе после создания фемы якобы решили упразднить должность кира Херсона¹²⁹, но не упразднили должность *λοτήρ τῆς πόλεως*, как следует из моливдовула первой половины X в., принадлежавшего Сергию?¹³⁰

¹²² Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов... С. 91–94; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde... S. 140–144; Алексеевко Н.А. Страти́ги Херсона... С. 702–733. № 1–34; ср.: Вуры J.B. Op. cit. P. 25–27.

¹²³ Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов... С. 92, 95.

¹²⁴ Успенский Ф.И. Византийская табель... С. 131.

¹²⁵ Вуры J.B. Op. cit. P. 146–148; Успенский Ф.И. Указ. соч. С. 114; ср.: Алексеевко Н.А. Страти́ги Херсона... С. 739. Прил. 1. № 60–61; Он же. Херсонская родовая знать... С. 257–261. № 2–4.

¹²⁶ Баранов И.А. Указ. соч. С. 141.

¹²⁷ Успенский Ф.И. Указ. соч. С. 118.

¹²⁸ Науменко В.Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности 1996. Харьков, 1997. С. 25, 26; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolov I. Die neuen Funde... S. 140.

¹²⁹ Ср.: Айбабин А.И. Этническая история... С. 216.

¹³⁰ Не схожесть ли функций одного и другого чиновника – объяснение такому кажущемуся феномену?

В связи с этим надо вновь вернуться к вопросу о государственном устройстве раннесредневекового Херсона. Выпуск бронзовых монет с греческими буквами Π на аверсе и реверсе, Π на аверсе и Χ на реверсе, ΠΧ на реверсе и ΜΒ на аверсе, буквой Β на аверсе и Π или ΠΧ на реверсе действительно расценивается большинством исследователей как показатель “крепкой традиции самоуправления”, “духа свободолюбия” той муниципальной организации Херсона, а именно “полисной администрации”, что была способна отстоять “полисные свободы” и даже “противопоставить себя присланному из Константинополя стратигу”¹³¹. Однако не может не настораживать тот факт, что в правление Михаила III и Василия I (867–886) монетный двор Херсона выпускал литые монеты и без этого “древнего символа полисного самоуправления”, на что указывают монеты с аббревиатурой ΚΛ или ΚΛΜ, с характерной буквой Β, похожей на “замочную скважину”, и крестом на ступенях, и монеты с монограммой имен Василия I и Константина (ΚΒΩ) и крестом¹³². Без “полисного девиза” отливались в Херсоне монеты Льва VI Мудрого (886–912) и его брата Александра (ΛΕ или ΛΑ на аверсе и крест на реверсе), хотя в короткое, продолжавшееся всего год и 22 дня самостоятельное правление беспутного Александра (912–913) на реверсе херсонских монет в очередной раз появились буквы ΠΧ, которые воспринимаются как указание на новое возрождение полисных свобод¹³³. Впрочем, это не помешало И.В. Соколовой, противореча себе, заключить: “Этот лозунг исчезает на херсонских монетах Василия I и Константина (869–879 гг.), что поразительным образом совпадает с датой исчезновения печатей архонтов”. О курьезе “поразительного совпадения” мы уже говорили (оно относится ко всей империи), а надпись *λολεως Χερσωνος* встречается даже на печати стратига Херсона приблизительно последней трети X в.¹³⁴ Если бы буквы, служившие указанием на продукцию монетного двора Херсона, действительно являлись отражением статуса полисного самоуправления, каких-то “своеобразных компромиссов” официального Константинополя с сугубо местными независимыми муниципальными властями, тогда аналогичные аббревиатуры с еще большей вероятностью должны были бы присутствовать на тех литых подражаниях монетам Маврикия (582–602) с трехфигурной композицией, что, по убедительным доводам И.В. Соколовой, выпускались в Херсоне во второй половине VII – первой четверти VIII в.¹³⁵ Но их нет, за исключением надписи “Херсон” на одном из трех вариантов этого типа монет. Нет этой аббревиатуры и на херсонских нуммиях Юстина I (518–527), тогда как монограмма “Πολεος Χερσονος” появилась на таких же мелких эмиссиях времени Юстиниана I (527–565); легенда ΧΕΡΣΩΝΟΣ присутствует на медных фоллисах Маврикия (592–602); буквой Χ был отмечен реверс золотых монет времени Ираклия и Константа (610–641) (если только это был херсонский выпуск); не имеют указаний на монетный двор херсонские фоллисы Ираклия и его сына-соправителя Константина (610–641), литые полуфоллисы VII–VIII вв. с буквами Β на аверсе и D на реверсе¹³⁶.

¹³¹ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса... С. 113–115, 125; Соколова И.В. Монеты и печати... С. 34–36, 112. Табл. VI–VIII; Айбабин А.И. Этническая история... С. 124; ср.: Salamon M. *Mennictwo bizantynskie*. Kraków, 1987. S. 213–214. Rus. 161–164.

¹³² Соколова И.В. Монеты и печати... С. 79. Табл. VII; Salamon M. *Op. cit.* S. 213–214. Rys. 165.

¹³³ Соколова И.В. Монеты и печати... С. 38–39, 43, 116. Табл. VIII; Salamon M. *Op. cit.* S. 214.

¹³⁴ Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов... С. 94; ср.: Соколова И.В. Монеты и печати... С. 117.

¹³⁵ Соколова И.В. Монеты и печати... С. 30–33.

¹³⁶ Salamon M. *Op. cit.* S. 118–120, 150, 164, 174–175. Rys. 64–67, 108, 109, 120. Видимо, не следует абсолютизировать некую особенность, почти уникальность монетного дела Херсона,

Похоже, что такого рода “девизы” то ставились, то не ставились даже в период правления одного и того же императора и на самом деле означали не всегда необходимое уточнение к чисто географической номенклатуре, к которой относился тот или иной провинциальный монетный двор. Обилие таких легенд, полных или чаще сокращенных, приходится на VI–VII вв.¹³⁷, изредка продолжая употребляться на византийских провинциальных монетах Сицилии и Италии в VIII в. (CIK, KT, R, RM, ROM)¹³⁸. На прочих монетах VIII–X вв. часто отсутствует даже аббревиатура константинопольского монетного двора, прежде обязательная. В этом, вероятно, сказывалась неуклонная тенденция укрепления центральной власти, когда разрешение любой эмиссии могло исходить только из столицы. Если же следовать времени появления букв П и Х на херсонских монетах, получится, что традиции самоуправления не угасали в городе под нажимом имперских чиновников, а напротив, крепили как раз тогда, когда усиливался контроль из Константинополя.

Наконец, буква П как начальный знак слова П(ΟΙC) в тех случаях, когда она ставилась на херсонских монетах IX в. обособлено, могла нести указание на столичный монетный двор, поскольку главный город империи часто называли в Византии просто “Полисом”¹³⁹. Именно так зачастую именовал его Феофан в самостоятельной части своей “Хронографии”, подразумевая Константинополь¹⁴⁰. Местные официалы, случалось, использовали на выпускавшихся ими номиналах знак столичного монетного двора, ибо они функционировали как его филиалы и под контролем центрального правительства. К тому же само понятие “полис” совсем не обязательно имело в VIII–IX столетиях значение некоего древнего элветериального символа. Так, в актах Вселенских церковных синодов названия епископских центров с обязательной приписной “полеос”

которая якобы позволяет говорить о его “полунезависимости или лишь о полузависимости от империи” (*Dagron G. Op. cit. P. 292*). Имеющиеся особенности проглядывают преимущественно в IV–VI вв., в период “перестройки” монетного дела. Ко времени конца правления Маврикия его уже стремятся нивелировать под общеимперские нормы, в частности уравнивать вес самой ходовой херсонесской монеты – фоллиса с константинопольским (*Grierson Ph. Catalog of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection. Washington, 1968. Vol. 2. P. 38, 381; Соколова И.В. Монеты и печати... С. 24, 27*), а при Ираклии город участвует в общеимперской монетной реформе (*Анохин В.А. Монетное дело Херсона в начале VII в. // Третья Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докл. М., 1994. С. 25–26*). Действительно, кроме херсонского монетного двора в 60-х годах IX в. на территории, подвластной империи, действовали только некоторые официны Сицилии и Южной Италии (*Соколова И.В. Монеты и печати... С. 112–113*). Следовательно, наравне с ними, столица крымской фемы тоже ставилась в особое, но отнюдь не уникальное положение. Впрочем, за разрешением на выпуск монет может проглядывать и политическая акция константинопольского правительства, таким своеобразным способом благодарившего за что-то своих подданных – херсонитов и стратига их города. Не было ли это связано с недавним важным, редким событием – обретением мощей св. Климента в 861 г. и готовившимся перенесением их в Рим, дабы получить столь необходимую тогда василевсу и патриарху Фотию поддержку Римской церкви? (см.: *Уханова Е.В. Обретение мощей св. Климента, папы Римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. // ВВ. 2000. Т. 59(84). С. 124–128*).

¹³⁷ *Salomon M. Op. cit. S. 80–172.*

¹³⁸ *Ibid. S. 169, 170, 189, 192.*

¹³⁹ *Ibid. S. 108, 110.*

¹⁴⁰ *Чичуров И.С. Место “Хронографии” Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV – начало IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1981 год. М., 1983. С. 56 сл.*

(τῆς Κολωνειατῶν πόλεως, τῆς Νικολολιτῶν φιλοχρίστου πόλεως и пр.), разумеется, вовсе не означало, что все эти многочисленные “города” и их администрация пользовались неограниченными муниципальными свободами¹⁴¹. Они давно были лишены муниципальной организации в ее античном, полисном понимании, были лишены самоуправления как такового, но они и не нуждались в нем, так как уже с VI–VII вв. (после упадка городских курий) ее функции заменила местная чиновная администрация, подконтрольная центральным органам власти. Таким образом, этот признак городской жизни – городское управление – был в Херсоне таким же, как и в Византии в целом, хотя и в своеобразной форме, какой долгое время не знали ни средневековый Запад, ни средневековый Восток.

Ну а случаи бунтарского своеволия, антиимперских выступлений в Херсоне? За сотни лет херсонесской истории их зафиксировано только два – трагичный 711 г., выступление против обезумевшего от жажды мести Юстиниана II, и убийство жителями Херсона своего стратига Симеона, сына Ионы, случившееся около 896 г. Последнее, исключительно редкое событие упомянуто Продолжателем Феофана наряду с памятной битвой с болгарами у Булгарофига и взятием арабами города Корона в Каппадокии¹⁴². Примечательно, что писавший не сообщил ни слова о наказании бунтовщиков. Может быть, мотив происшедшего в Херсоне был в какой-то степени “справедлив”? Во всяком случае момент убийства оказался достаточно случаен. Он не явился следствием поражения от болгар, как иногда считают исследователи, потому что оба события произошли почти одновременно, как и взятие Корона мусульманами, когда все “фемы и тагмы переправились с Востока”. Не исключено, что стратиг Симеон был убит по поводу, аналогичному с убийством стратига Сицилии. Им был царский протоспафарий, патрикий Иоанн Музалон, который около 920 г. увеличил в Калаврии, на крайнем юге Италии, подати и другие поборы, пытаясь добыть деньги для выплаты дани арабам¹⁴³, т.е. в основе конфликта лежали финансовые злоупотребления, всегда рождавшие острое недовольство горожан.

Выводы о сепаратистских тенденциях в Херсоне, “извечном стремлении херсонских городских властей к самоопределению и независимости” основываются главным образом на предписаниях, которые Константин Багрянородный в последней главе трактата “Об управлении империей” советовал применять в отношении херсонитов в случае их неповиновения центральной власти¹⁴⁴. Однако подобного рода ситуации не выходят за рамки того, что могло случиться в любом имперском городе, где для подавления возмущения тоже учитывалась бы специфика местных условий, вплоть до возможности организации экономической блокады. Например, свидетельства “Чудес св. Димитрия” показывают, что накануне последней осады Фессалоники славянами в 676–678 гг. среди высшего социального слоя горожан, ее “первенствующих”, имелась влиятельная местная группировка ромеев, находившаяся в тесном контакте со славянскими вождями и, более того, готовая к сотрудничеству с ними для достижения собственных целей, не совпадавших с интересами правящей в Константинополе знати. Эта городская верхушка стремилась сама обеспечить свою безопасность, не

¹⁴¹ Ср.: *Gelzer H. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899. S. 70.*

¹⁴² *Theophanes Continuatus... P. 360. 14–18; Продолжатель Феофана. Жизнеописание... С. 150 (IV. 10).*

¹⁴³ *Guillard R. Recherches sur les institutions byzantines. Berlin; Amsterdam, 1967. Vol. 2. P. 191.*

¹⁴⁴ *Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 53. 512–529. С. 274; Romancuk A.I. Cherson in Mittelalter // BS. 1992. Т. 53. F. 2. S. 204.*

верила в помощь из центра и была оппозиционно к нему настроена¹⁴⁵. В целом ситуация очень напоминала ту, которая сложилась вокруг Херсона в 711 г., только вместо славян здесь присутствовали хазары.

В этом плане Опсикий был не менее “мятежен” с конца VII до конца VIII в., и города Вифинии, Никия, Никомидия, Пренет далеко не всегда были на стороне императорской власти¹⁴⁶.

Чем же “самоуправляемый” Херсон отличался, к примеру, от Селевкии – крупного византийского портового города, важного военно-административного и церковного центра, тоже лежавшего на крайних пределах империи, только не северных, а еще более дальних, южных, в малоазийской Киликии? В VII – начале VIII в., еще до того, как Селевкия – метрополия Исаврии была включена в 732 г. в состав ведущей морской фемы Кивирреоты, она имела и сохраняла значение центра производства оружия и свой монетный двор, хотя ее управление находилось в руках имперских чиновников, о чем свидетельствуют находки моллидовулов¹⁴⁷. Оппозиционные настроения периодически возникали и в южно-понтийской Амастриде, с которой Херсон имел давние прочные связи. Этот город фигурирует в рассказе Продолжателя Феофана о патрикии Феофобе, знатном персе, командире так называемого “персидского отряда”, талантливом военном сподвижнике василевса Феофила, женатом на его сестре, который попал в немилость к императору. Клеветнически обвиненный в страшном преступлении – оскорблении величества, он “...пустился в бегство и вместе с детьми, женщинами и некоторыми избранными мужами” нашел убежище в Амастриде, принявшей “открытого врага царя”. В результате город, ставший центром незадолго до этого созданной фемы Пафлагония¹⁴⁸, оказался втянут в войну с императором и был осажден флотом, которым командовал друнгарий виглы Оорифа. Только после этого Феофоб в 841/842 г. решил сдаться императору и, “держа в своем сердце страх Божий, сказал, что негоже христианину радоваться пролитию крови благоверных людей”, имея в виду, очевидно, амастрийцев и ромейских воинов¹⁴⁹. Случай почти классический! Однако никому из историков не приходит в голову на этом основании возвести Амастриду в разряд “оплота вольнолюбия”.

Обвинения в “сепаратизме” тем более преувеличены на фоне постоянного использования Херсона в качестве надежной “тюрьмы” для политических преступников, которых не стали бысылать в неблагонадежный город. Между тем, начиная с IV столетия перед нами проходит целая череда таких особо опасных для государства ссыльных, попадавших в Херсон или его округу, соседние кастра¹⁵⁰.

¹⁴⁵ *Иванова О.В.* Славяне и Фессалоника во второй пол. VII в. по данным “Чудес св. Дмитрия” // Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. М., 1985. С. 91.

¹⁴⁶ *Lounghis T.C.* A Deo consevrandum imperiale obsequium. Some Notes Concerning Byzantine Field Troops during the Dark Ages // BS. 1991. Т. 52. P. 54–60.

¹⁴⁷ *Zacos G., Veglery A.* Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. 1. Pt. 2–3. № 727, 1074–1076, 1157, 1335–1337, 1419, 1433, 1684, 1773; *Zacos G.* Byzantine Lead Seals / Compiled and ed. by J.W. Nesbitt. Berne, 1984. Vol. 2. № 144, 336, 338, 344; *Foss C.* The Persian in Asia Minor and the End of Antiquity // The English Historical Review. 1975. Vol. 90. P. 729–730; *Edwards R.W.* The Fortifications of Armenian Cilicia. Washington, 1987.

¹⁴⁸ Не исключено, что создание здесь фемы тоже было связано со стремлением укрепить позиции центральной власти.

¹⁴⁹ *Theophanes Continuatus...* P. 135–136. *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания... С. 61 (III. 38).

¹⁵⁰ *Ростовцев М.И.* Новые латинские надписи из Херсонеса. С. 14; *Romancuk A.I.* Cherson im Mittelalter. S. 210.

Пытавшиеся найти здесь убежище враги константинопольского правительства очень скоро стали понимать, что попали не туда, куда рассчитывали, что сочувствующих у них не будет и даже отсидеться в городе не удастся. Так, поднявший в 365 г. антихристианское по своей сути восстание Прокопий, родственник покойного императора Юлиана, после поражения бежал вместе с семьей, разумеется, не случайно именно в Херсонес, рассчитывая, видимо, получить поддержку в этом остающемся еще в целом языческим городе¹⁵¹, но почти сразу понял, что обманулся в своих ожиданиях и поспешно, боясь быть выданным разыскивающим его посланцам императоров Валентиниана и Валента, покинул Херсонес на попутном корабле, прихватив домочадцев¹⁵². Более того, он направился напрямик в Константинополь. Очевидно, даже столица империи казалась ему сулящей больше надежд, чем злополучный приют в Херсоне.

Уже на следующий год в Херсонес угодил в ссылку Фронимий, проходивший по делу о заговоре Прокопия¹⁵³. Имперские власти могли быть спокойны – город достойно выдержал проверку на благонадежность.

Примечательно, что александрийскому патриарху Тимофею Элуру, известному поборнику монофиситства, удалось вызвать возмущение в Александрии, а затем, уже после отправки в ссылку, устраивать в Ганграх “запрещенные сходки и беспорядки”, отчего Лев I перевел его в 460 г. в Херсон, среди жителей которого строптивый патриарх, очевидно, уже не чувствовал себя столь же уверенно: он рассылал отсюда письма своим сторонникам в Томи, города Сирии, Египта, пользуясь заходившими в город кораблями, даже находил понимание среди херсонцев своим религиозным взглядам, но такой “антиправительственной” поддержки, как от гангрцев, похоже, не имел¹⁵⁴.

В *Collectanea* Анастасия Библиотекаря содержится текст схолии к житию мучеников, где говорится, что при василевсе Ираклии в Херсон были сосланы осуждавшие официальный правительственный религиозный курс монахи-братья Феодор и Евпрепий, которых то и дело разлучали (*separatis*) и до их смерти, последовавшей соответственно около 655 и 667 г., отправили “в крепости племен” (*in castris gentium*), находившиеся по соседству с городом и, следовательно, остававшиеся под властью империи¹⁵⁵.

Говоря о херсонитах, как о не имеющих “...совершенно никакой человечности, коего природа людей даже среди самих варваров постоянно обнаруживает в... сострадании”¹⁵⁶, противник церковной политики василевса Константа II

¹⁵¹ Вероятно, на тот момент в городе не было имперских войск; см.: *Цукерман К.* Епископы и гарнизоны Херсона в IV веке // МАИЭТ. (1994). Вып. 4. С. 558.

¹⁵² *Zosime.* Histoire nouvelle / Texte etabli et traduit par F. Paschoud. P., 1979. T. 2. P. 2. P. 266 (IV. 5. 2); *Курбатов Г.Л.* К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия // Византийские очерки. М., 1961. С. 72.

¹⁵³ *Аммиан Марцеллин.* История / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского. Киев, 1908. Вып. 3. XXVI. 10. 8.

¹⁵⁴ *The Syriac Chronicle known as that of Zachariah of Mitylene / By F. Hamilton, E. Brooks. L., 1899. P. 79–100; V. 11; Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... С. 25, 48.

¹⁵⁵ *Anastasii bibliothecarii Collectanea // PG. T. 129. Col. 684; Vasiliev A.* The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936. P. 78. В свете того, что ныне известно о кастра Юго-Западной Таврики, воздвигнутых во второй половине VI–VII в. стараниями византийской администрации и местных эмпондов – союзников империи, нет никаких оснований видеть эти крепости находящимися исключительно “во власти готов или непосредственно хазар”; ср.: *Seibt W.* Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. und 8. Jh. // Византия и Крым... S. 100; *Seibt W.* Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. u. 8. Jh. // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. S. 303.

¹⁵⁶ *Бородин О.Р.* Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 179–180.

(641–668), ярый ортодокс, ссыльный папа Мартин тем самым обнаруживал косвенное доказательство преданности херсонитов императору Византии, той самой преданности, которую в течение сотен лет высоко ценили все византийские правители. Опасный смутяня Мартин был личным врагом сурового василевса, к тому же врагом на религиозной почве. Очевидно, его появление в городе было воспринято жителями, послушными императорской воле, крайне недружелюбно. Вероятно, в Херсоне были не только сильны позиции монофиситов, подпитываемые торговыми и культурными связями с Сирией¹⁵⁷, но и безропотно принято официально введенное в середине VII в. монофелитство. На это предположение наводит характеристика, данная горожанам и прочим окрестным жителям Мартином, для которого последователи любого неортодоксального религиозного учения были безбожниками, “эллинами”. “Те, кто обитает в этой области, все являются язычниками, и языческие нравы восприняли те, которые известны как живущие здесь”, – писал из Херсона ссыльный в одном из писем своим сподвижникам¹⁵⁸.

Позже херсониты, “заподозрив опасность для себя”, открыли императору Тиверию Апсимуру (698–705) крамольные замыслы еще одного ссыльного, свергнутого Юстиниана Ринотмета, что тоже говорит в пользу их лояльности к официальному константинопольскому правительству¹⁵⁹. Примечательно, что, когда Юстиниан вернул власть, он в свою очередь, не колеблясь, выбрал Херсон местом ссылки для своего потенциального врага Вардана, которому предсказывали царский венец¹⁶⁰. В том, что ожидания императора в отношении благонадежности города не оправдались, оказался повинным он сам, его злопамятность, жажда мести, толкавшие на безумные поступки, а не неверность херсонитов.

Под 776 г. в “Хронографии” Феофана упоминается, что император Лев Хазарин сослал “в Херсон и климаты” своего брата кесаря Никифора и других его сообщников – заговорщиков, замышлявших дворцовый переворот и убийство василевса¹⁶¹. Для того, чтобы решиться на это, надо было быть вполне уверенным, что опасный злоумышленник не найдет сочувствия и поддержки у властей области и будет лишен каких-либо возможностей для реванша.

Неукротимые монахи столичного Студийского монастыря, не пожелавшие признать решений “антистудийского” собора 809 г. и склониться перед уговорами Никифора I Геника, были сосланы в разные места Романии, среди которых упоминались Херсон, Сицилия, Фессалоника и др.¹⁶² Следовательно, император

¹⁵⁷ См.: *Залесская В.Н.* Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья (новые поступления византийского отдела Эрмитажа) // ВВ. 1988. Т. 48. С. 207; *Сидоренко В.А.* Таврика предхазарского времени (по материалам раннесредневековых могильников и нумизматики) // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. Тезисы докл. СПб., 1998. С. 113; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. С. 194–195; *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). Киев, 2000. С. 88, 95.

¹⁵⁸ *Бородин О.Р.* Римский папа Мартин I... С. 179–180.

¹⁵⁹ *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... С. 39, 62, 155, 163.

¹⁶⁰ Там же. С. 41, 64, 157, 165.

¹⁶¹ Там же. С. 46, 68.

¹⁶² *Theodori Studitae Epistulae* // PG. 1864. Т. 99. I. 97–98; Творения преп. отца нашего и исповедника Феодора Студита в рус. переводе... с научно-историческим очерком его деятельности и двумя древними житиями. СПб., 1908. Ч. 2. I. 87–88; II. 294; *Доброклонский А.П.* Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский / Записки имп. Новороссийского ун-та. Т. 113. Одесса, 1914. С. 649.

остался убежденным в благонадежности этих городов и мест и в том, что их население разделяет официальную имперскую политику, направленную на укрепление позиций центральной власти в ущерб самостоятельным интересам церкви. Спустя примерно двенадцать лет Феодор Студит, обращаясь в одном из своих писем к находившимся в Херсоне ссыльным монахам-”студитам”, призывал их крепиться и быть наставниками местных жителей, участвовавших в совершении здесь “страшных дерзостей” против Христа¹⁶³. Очевидно, имелся в виду официальный иконоборческий курс, вновь восстановленный в 815 г. и поддерживаемый из Константинополя. В то же время становится понятным, что верноподданный Херсон был надежно связан с империей, без чего невозможна была бы переписка игумена Студия со ссыльными, которые должны были содержать себя за свой счет, посылка им денег и продуктов¹⁶⁴. Ортодоксы-студиты были здесь не единственными опальными иконопочитателями. При Льве V Армянине (813–820) в этих краях отбыл ссылку молодой Иоанн Психаит, искусный проповедник, в будущем знаменитый подвижник православия, а при Михаиле III – Иосиф Гимнограф¹⁶⁵.

Херсон был прекрасно укреплен, обладал сплошной крепостной стеной (на отдельных участках двойной)¹⁶⁶. Двое больших ворот с принадлежавшими к ним башнями, прикрытые протехисмой, служили въездом в город. Число башен простиралось до 42, а самые стены достигали трех-четырёхметровой толщины и во многих местах имели высоту около 10 м. Полицейский аппарат Херсона, по всей вероятности, был достаточно силен и действенен, чтобы не допустить возникновения и распространения смуты со стороны потенциальных ее источников – политических ссыльных. “Противное царским повелениям”, разумеется, могла замыслить и периодически замышляла знать любого византийского города, но до XI столетия это была борьба не за отделение от империи, а за более удобное, выгодное положение в ней. С этой точки зрения раннесредневековый Херсон являлся на удивление лояльным, послушным имперским городом, а сами херсониты – вполне образцовыми верноподданными ромеями.

¹⁶³ Творения преп. отца нашего и исповедника Феодора Студита... С. 454–455 (письмо ХСII от 821 г.).

¹⁶⁴ Там же. С. 455.

¹⁶⁵ *Van der Ven P.* La vie grecque de S. Jean le Psichaité, confesseur sous le règne de Léon l'Arménien (813–820) // *Le Muséon. Nouvelle série.* 1902. Т. 3. P. 97–125; *Vita Sti Iosephi Hymnographi auctore Ioanne diacono Constantinopolitani* // *PG.* 1864. Т. 105. Col. 939–974; *Лопарев Хр.М.* Византийские жития святых VIII–IX вв. // *ВВ.* 1913. Т. 18. Вып. 1–4. С. 4, 12; *Он же.* Греческие жития святых VIII и IX веков. Пг., 1914. С. 227, 235.

¹⁶⁶ *Кучма В.В.* Оборонительные сооружения Херсонеса... С. 152.